

Utgof, Grigori. *Sintakticheskie issledovaniia*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. ISBN 978-9949-32-815-4. Указатель имен. 145 с.

Григорий Утгоф

СИНТАКТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Вышедшая в прошлом году книга Григория Утгофа, сотрудника Таллиннского университета, посвящена разнообразным темам в широком хронологическом диапазоне, от Владимира Набокова и Владимира Маяковского до Чеслава Милоша и Натальи Горбаневской. Автор книги интересуется наследием Ю. Н. Тынянова, является постоянным участником «Бриковских сборников», принадлежит к числу почитателей покойного М.И. Шапира и позиционирует себя как продолжателя «тыняновско-шапировской» линии исследования текста.

Как сообщает сам автор, рассматриваемая нами книга делится на две части. Первую составляет квантитативное исследование прозы Набокова, представляющее собой раздел из диссертации Утгофа «Проблема синтактического <sic!> темпа», защищенной в 2007 году под руководством одного из ведущих славистов Эстонии, профессора Таллиннского университета Ирины Захаровны Белобровцевой. Вслед за фрагментом диссертации помещены три заметки на разные темы, уже печатавшиеся в той или иной форме по отдельности. Объединение столь разнородного материала в одну монографию мотивировано единой задачей – изучением того измерения текста, которое принято называть синтагматикой или синтактикой (отсюда отчасти удивляющее неподготовленного читателя прилагательное «синтактический», под знаком которого разворачивается книга).

В самом начале монографии сформулирована ее основная цель – разработать метод, позволяющий описывать тексты вне контекста, без учета их «значения и назначения» (то есть семантики и прагматики). Разбираемые тексты предлагается прочесть как «не значащие ничего» и «написанные ни для кого» (с. 7). В результате классики и современники предоставляют автору удивительно интересный материал для литературного анализа. Свой объект исследования Утгоф, невзирая на возможные карнавальные коннотации, обозначает тыняновским термином «сукцессия». «Синтактические исследования – это книга о сукцессивности» (с. 7). Автор раскрывает тыняновскую номенклатуру, поясняя, что «сукцессивность – это разворачиваемость, а сукцессия – это последовательность» (с. 7).

Для описания своего подхода автор изобрел оригинальный термин «точноведение» (то есть «изучение точности»¹). Первый раздел книги содержит строгие подсчеты различных синтак(с/т)ических характеристик набоковской прозы. Цель исследования – выявить проблемность *синтактического темпа* этого вида письма. Термин «темпа» в книге не определен, и читатель должен сам понять, о чем речь, прочтя рецензируемый труд до конца. Затем «точноведческо-синтактический» подход распространяется на стихотворные произведения Мандельштама, Маяковского и Горбаневской.

Немаловажная проблема, которая не оставляет вдумчивого читателя этой изящно изданной книги, – проблема прагматики. Оказывается, что исследуя *синтактику* (*синтагматику*), автор по сути совершенно игнорирует (какую-либо) *прагматику*. Неоднократно цитируя Шапира, он как бы упускает из виду, что Шапир был одним из пионеров изучения прагматики русского авангарда (с которым прямо или опосредованно соотносится творчество героев книги Утгофа). Как известно, прагматика предполагает вопросы «зачем?», «для чего?». Какова конечная цель статистических подсчетов, какие выводы автор намеревается проиллюстрировать и какие пресуппозиции доказать? Этот вопрос остается открытым. Например, глава о Маяковском завершается таким выводом: «//3//8|2|3|9|3|9|10//2|2|5|3//2//5|6|10|| 2006-2008, 2012» (с. 111) (последние цифры, вероятно, обозначают годы создания текста). К каким содержательным заключениям пришел автор на основании статистических подсчетов о стихах Маяковского, мы сказать затрудняемся.

В рассматриваемой главе поднят центральный вопрос рецензируемой книги — вопрос о выявленных автором *закономерностях* синтактического / синтагматического развертывания текста. Вопрос этот чрезвычайно интересен, однако нам кажется, что для ответа на него исследование Утгофа не предоставляет достаточного материала.

Так, в интересных главах, посвященных Набокову, показано, что в одних фрагментах набоковского текста средняя длина предложения больше, чем в других. Что из этого может следовать? Автор формулирует гипотезу о гомогенности текста (все фрагменты любого текста по всем параметрам одинаковы) и сам же аргументированно ее опровергает: оказывается, разные фрагменты текста по многим параметрам отличаются друг от друга (нам это представляется самоочевидным). Следуя установке на отказ от анализа семантики и прагматики, исследователь, к сожалению, не поясняет, почему «синтактический темпа» в двух набоковских фрагментах разный. Может быть, синтагматические различия мотивированы различиями тематическими? Или нарратологическими? Например, они могут представлять разные типы повествования: внутренний монолог или внутренний диалог, etc. Наконец, почему автор выбрал для сравнения именно эти фрагменты, а не какие-либо другие? Надо заметить, что, к сожалению, ни один текст Набокова Утгоф не проанализировал целиком, ограничиваясь различными выборками в 1000 слов, или в 1000 предложений, о репрезентативности которых судить довольно трудно. Все эти моменты, увы, остаются непроясненными.

Имеются и некоторые странности в обозначениях и вычислениях: «Первая условная ‘половина’ романа оказывается меньше второй на 1584 слова (т. е. на -4,0% <sic!> от общего количества слов)» (с. 55); «Первая ‘четверть’ романа меньше второй

¹ Термин-неологизм также употреблял М. Л. Гаспаров.

на -2,4% <sic!>, вторая меньше третьей на -1,7% <sic!>, а третья больше четвертой на 1,8%» (с. 57); «Первая условная ‘половина’ меньше второй на -1,5% <sic!>», «Первая ‘четверть’ поэмы меньше второй на -2,6% <sic!>» (с. 105–06). Казалось бы, всем известно, что «меньше на отрицательное» означает «больше».

Нельзя не сказать и о несомненных удачах книги. В работе, первоначально опубликованной в журнале *Philologica*, переизданной в сборнике памяти М. И. Шапира и вошедшей в рассматриваемую книгу в качестве отдельной главы, проделан любопытный сопоставительный анализ двух английских переводов Мандельштама и их русского оригинала. Выяснилось, что перевод Набокова ближе к оригиналу, чем перевод Лоуэлла, но мандельштамовский текст по всем параметрам соответствует нормам русского языка, а тексты обоих переводчиков – нормам английского. Относительно синтактики *per se* каких-либо примечательных закономерностей не выявлено – ни один из переводов не разворачивается каким-либо специфичным образом (или, по крайней мере, это не становится очевидно из проделанной работы).

В статье о переводе Горбаневской из Милоша установлено, что перевод западнославянского автора выполнен размером пушкинских *Песен западных славян*. Этот справедливый вывод подтвержден не только скрупулёзными подсчетами, но и признанием самой Горбаневской в электронном письме к автору рецензируемой книги (цит. на с. 120). Действительно, все строки в тексте Горбаневской имеют длину 10, 11 или 12 слогов, одна длина (10) более частотна, две другие менее частотны, мы имеем колебания вокруг средней длины (10,5), все строки являются реализацией одного неклассического размера. Согласно Якобсону и Шапиру, на которых прямо ссылается исследователь, такая статистика наглядно демонстрирует *парадигматический* характер стиха: синтагматика стихотворного текста строится по принципам парадигматики. Синтаксическая закономерность проявилась бы в неслучайной последовательности 10-, 11- и 12-строчных строк, а не в свободном их комбинировании.

Здесь необходимо указать что квантитативный подход к явлениям перевода, несомненно, имеет право на существование и может быть очень полезен. Приведу пример из смежной области, знакомой мне. В обычном тексте на русском языке наблюдается определенное среднестатистическое соотношение слов малобуквенных (предлоги, союзы), среднебуквенных (короткие существительные, бесприставочные невозвратные глаголы) и многобуквенных (сложные существительные, прилагательные, причастия, деепричастия и др.). Слова в русском языке в среднем длиннее, чем в аналитических языках типа английского, в котором короткобуквенных и малобуквенных слов на каждую единицу текста встречается больше, чем в русском, а средняя длина слова оказывается, наоборот, меньше, чем в русском. Это приходится учитывать при оформлении заголовков и иных элементов дизайна переводных и многоязычных изданий: в английских строках, по сравнению с соответствующими русскими строками, больше пробелов между словами. Значит ли это, что в английских строках увеличивается синтаксический темп? Теперь, после прочтения работы Утгофа, об этом можно более оправданно поразмышлять.

В заключение хотелось бы отметить, что рассматриваемая нами книга является подлинно инновационной и может послужить превосходным стимулом для дальнейших продуктивных исследований в этом направлении. Общее позитивное впечатление от 145-страничной монографии немного омрачают чересчур пространные цитаты (чей совокупный объем на удивление велик), а также непроясненность ряда

постулируемых закономерностей. Надеемся, таковые закономерности будут выявлены впоследствии коллегами, вдохновленными методикой, предложенной автором «Синтактических исследований».

Dennis Ioffe,
Ghent University, University of Amsterdam

